

**Международный круглый стол «Боспорское царство:
актуальные проблемы истории, археологии, культуры»**

© 2006 г.

А. А. Завойкин

**СВЯТИЛИЩЕ ДЕМЕТРЫ И КОРЫ НА ФОНТАЛОВСКОМ
ПОЛУОСТРОВЕ: ПРИРОДНАЯ СРЕДА И САКРАЛЬНАЯ
ТОПОГРАФИЯ***

Эллины, как и другие древние народы, исповедовавшие политеистическую религию, обожествляли силы природы, отождествляя с ними различные стихии и населяя своими богами и божествами чуть не все сколько-нибудь приметные природные объекты. Вершины гор, расщелины, пещеры, гроты, старые деревья, реки, ручьи и родники, рощи и луга... – все могло стать «местом обитания» и почитания того или иного божества, связанного в представлении греков с проявлением соответствующей божественной силы¹.

При этом в каждой конкретной местности, которую осваивали эллины, помимо некоторых общих для большинства греков представлений о том, в каких именно условиях целесообразно «поселить» то или иное божество, существовали локальные особенности в «сакральной топографии», продиктованные, с одной стороны, традицией, унаследованной, например, колонистами из метрополии, природные особенности которой могли сильно отличаться от здешних, а с другой – самими природными особенностями их новой родины.

Поэтому, когда перед исследователем стоит задача отыскать культовый памятник за пределами городских стен, он должен принять во внимание прежде всего такие природные объекты и условия, которые «тематически» тяготеют к культурам, имевшим в данной местности особое распространение и значимость. И почти нельзя сомневаться в том, что наиболее выдающиеся объекты на местности, в особенности связанные с проявлениями могущественных сил природы, не остались без религиозного внимания древних эллинов (даже при условии, что нам не всегда удастся найти реальные археологические следы их почитания).

Так, на Таманском полуострове грязевые вулканы, в большей своей части расположенные на гребнях антиклинальных складок, возвышающихся широтно над низменными долинами, были не только господствующими высотами, но и местами, где могучие подземные силы вырывались время от времени на по-

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 04-06-80008): «Сакральные памятники Киммерийского Боспора: традиционные и естественнонаучные методы».

¹ Добавим, что не только созданные природой объекты населялись божествами. И некоторые рукотворные объекты становились их прибежищем. Например, куча камней, собранных с полей и сложенных на меже, на пересечении дорог, которые шли вдоль межей, – становились *гермой*.

верхность². Связь с подземным миром здесь была самоочевидна. И следует ли удивляться тому, что такие пункты становились местами почитания подземных владык. Например, на горе Майской, возвышающейся с юга над Фанагорией, в 1958–1960 годах между двумя кратерами раскопками было открыто святилище конца VI – первой половины I в. до н.э.³, в котором почитались Деметра, Кора, Афродита, Артемиды⁴. А на горе Бориса и Глеба в начале XIX в. вследствие извержения и оползня открылись остатки фундаментов здания⁵, а также были найдены два посвящения: Ксеноклида – Артемиде Агротере (храма; КБН 1014) и супруги Перисада I Комосарии – Астаре и Санергу (их статуи⁶; КБН 1015)⁷.

В реальности, конечно, обнаружение сакрального памятника по выделенным признакам – задача весьма непростая. Но и выяснение того, какие причины и обстоятельства побудили организовать святилище в том месте, где оно было обнаружено и исследовано, в методическом отношении тоже не из легких. Главная

² О сейсмической активности района в античный период сохранились некоторые сведения в литературной традиции: Феопомп Синопский у Флегонта из Тралл («Об удивительных явлениях», 19 = SC. I. С. 511); Плиний (NH. II. 206 = SC. II. С. 167); особенно выразительные – у Павла Орозия («История против язычников», VI. 5. 1 = SC. II. С. 401), в сочинении которого говорится: «В то время как Митридат справлял на Боспоре праздник Цереры, внезапно произошло такое сильное землетрясение, что, говорят, за ним последовало страшное разрушение городов и полей» (следы его ясно прослеживаются археологически, см. Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову. Архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 291; ср. Винокуров Н.И., Никонов А.А. К обоснованию сейсмической причины тотальных разрушений на Боспоре в середине – второй половине III в. н.э. // VI Чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М., 1999; Толстиков В.П. К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей. Материалы Международной конф., посвящая 60-летию Нимфейской экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. Тез. докл. СПб., 1999. См. также сочинение Плутарха «О названиях рек и гор», гл. V, где говорится, что зашито в кожу преступника бросают в *στόμον τῶν ὄσσεων* – круглое отверстие, похожее на колодец, а спустя 30 дней тело выносит в Меотийское озеро.

³ Традиционная датировка конец VI – конец II в. до н.э. (см. Марченко И.Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. 95. С. 87; Шелов Д.Б. Монетные находки на Майской горе // НЭ. 1963. IV. С. 90; ср. Марченко И.Д. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет ГМИИ им. Пушкина. М., 1962. С. 132 (VI–III вв. до н.э.).

⁴ Марченко И.Д. К вопросу о культах Азиатского Боспора // ВДИ. 1960. № 2; она же. Новые данные...; она же. Некоторые итоги...

⁵ К.К. Герц (Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898. С. 153–156) связывал их с храмом Артемиды Агротеры.

⁶ Постамент с посвящением хранится в ГЭ (инв. № Т. 1804.1); одна из статуй (женская) – в Керченском музее (АСЛК–I. С. 41. № 3), другая утрачена.

⁷ К числу культовых памятников, хотя и не связанных с проявлениями вулканизма на Таманском полуострове, следует отнести и самые грандиозные погребальные памятники, в которых захоронены представители «жреческих» семейств – Большая и Малая Близицы, Васюринский курган, расположенные на господствующих возвышенностях. О почитании Деметры на горах см. *Paus.* II. 35. 3 – храм Деметры Хтонии на г. Проне; VIII. 15. 4 – храм Деметры Фесмии на г. Киллене; VIII. 42. 1 – священная пещера Деметры Мелайны в горе Масличной. Вопросу о так называемых «святилищах на вершинах» было уделено внимание А.А. Масленниковым (Сельский теменос (?) в Восточном Крыму // ВДИ. 1997. № 4. С. 150–171. Прим. 47 с лит.) при публикации материалов из святилища Деметры и Керы в районе Генеральской бухты (вторая половина III в. до н.э. – III в. н.э.) См. также Масленников А.А. Сельские святилища античного Боспора // БФ. 1999. Вып. 2. Ч. 1; он же. Сельские святилища античного Боспора: загадки и разгадки // БФ. 2002. Вып. 4. Ч. 1.

опасность поджидает здесь исследователя не в определении того, какие природные особенности *могли* учитываться древними, исходя из особенностей учрежденного здесь культа, а какие в реальности учитывались адептами. Собственно говоря, с достаточной уверенностью можно выделить только самые яркие признаки, а остальные лишь гипотетически.

* * *

Святилище Деметры и Коры в юго-западной части Фонталовского п-ва было открыто Б.Г. Петерсом в 1986 г. в центральной части поселения, которое на Археологической карте, составленной Я.М. Паромовым⁸, именуется «Береговой 4»⁹. По новейшим данным, появление здесь, на высоком (ок. 10–17 м над уровнем моря) берегу Киммерийского Боспора, поселения следует отнести к середине VI в. до н.э. Жизнь на нем прекращается примерно в середине I в. до н.э. На протяжении полутысячелетия вряд ли вся территория памятника, площадь которого по распространению подъемного материала оценивается в 46,5 га¹⁰, была равномерно заселена¹¹. Имеются факты, позволяющие предполагать, что в какие-то периоды жизнь поселения если и не прерывалась полностью, то, во всяком случае, «замирала». Но при всех условиях центральная часть «Берегового 4», выделенная топографически самой природой, всегда оставалась незатронутой жилой или хозяйственной деятельностью – этот участок с конца VI в. до н.э. оставался исключительно священной территорией Великих богинь¹² (*темелосом*). Таким образом, можно говорить о том, что интересующее нас святилище было при поселении. И соотносено с более широким окружающим ландшафтом, в который как бы «вписано».

Итак, святилище располагается на берегу устьевого части Таманского залива, выходящей на Киммерийский Боспор. Здесь важно учесть, что за прошедшие две тысячи лет со времени, когда святилище было покинуто, море, поднявшись

⁸ Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. Депон. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992. Л. 188–192. Рис. 50.

⁹ Общую информацию о памятнике и его исследованиях см. Завойкин А.А., Сударев Н.И. Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999–2000 гг. (предварительная информация) // Патрей. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2005. С. 61–70.

¹⁰ Не известно точно, какая часть памятника (но явно весьма значительная, судя по динамике береговых оползней – до 5 м в год на некоторых участках) уничтожена действием волн и оползнями.

¹¹ К северу, востоку и югу от поселения по аэрофотоснимкам отчетливо видны следы ортогональной, расположенной радиально размежевки земель (см. Паромов Я.М. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. № 7. СПб., 2000. Рис. 2).

¹² О характере культа см. Завойкин А.А. ΤΩ ΘΕΩ: образы и символы Матери и Дочери в святилище элевсинских богинь на «Береговом 4» // БФ. 2002. Вып. 4. Ч. 1. С. 259–266; *он же*. Θεε: двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // ДБ. 2003. Т. 6. С. 104–119; *он же*. Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 93–99; *он же*. Две любопытные особенности культа «богини, сидящей на троне» // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005. С. 563–567; *он же*. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Труды ГИМ. Памяти Н.П. Сорокиной. М. (в печати); *он же*. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // Боспорские исследования. Вып. VIII. Симферополь–Керчь, 2004. С. 152–176; Журавлев Д.В., Завойкин А.А. Светильники из святилища элевсинских богинь «Берегового 4» // БФ. 2004. Вып. 5. Ч. 1. С. 191–199.

примерно на 4.5–5 м¹³, отодвинуло кромку берега на несколько сотен метров в глубь материка. А это означает, что в древности святилище дальше отстояло от уреза воды, располагаясь несколько в глубине, вполне вероятно даже в небольшой бухточке, образованной действием двух водотоков, берущих начало на западном и северо-западном склонах горы Горелой (Куку-Оба), возвышающейся на 104 м над уровнем моря, примерно в 1.8 км¹⁴ к востоку от памятника¹⁵. И по сей день это единственный участок памятника, не подверженный разрушениям со стороны моря и спускающийся к пляжу покатым склоном¹⁶.

Специальные геоморфологические исследования на памятнике не проводились. Небольшие рекогносцировочные работы, выполненные в 2000 г. В.В. Копейкиным и П.А. Морозовым с использованием ранней модификации георадара «Лоза» на пляже, как раз напротив святилища, показали, что устье водотоков лежало когда-то значительно ниже современного. Что, впрочем, понятно, поскольку при уровне моря ниже современного на 3.5–4 м и базис эрозии располагался соответственно. Стоит, по-видимому, отметить и тот факт, что в широтном направлении, как раз в створе двух оврагов, отрезающих мыс, на котором расположено святилище, проходит тектонический разлом¹⁷.

¹³ Паромов. Археологическая карта Таманского полуострова. Л. 89–91, 106–108; *он же*. К вопросу об уровне моря у берегов Таманского полуострова в античное время // VI Чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 89–90.

¹⁴ До подошвы горы от берега моря; до вершины, считая по горизонтали, – около 2.3 км.

¹⁵ На северной стороне от северного водотока расположено раннее поселение. На мысе, образованном берегом Таманского залива и устьем водотока, берущего начало на юго-восточном склоне горы Горелой (к западу от него), впоследствии отрезанном рвом, был основан Патрей (см. *Абрамов А.П.* Городище Патрей. Периодизация и топография // *Патрей. Материалы исследований*. Вып. 1. М., 1999. С. 3. Рис. 2; *он же*. Западная граница Патрейского городища // *ДБ*. 2000. Т. 3. С. 7–9. Рис. 1). Аналогичная ситуация прослеживается и к востоку от Патрея – на поселении «Волна Революции 1. Татарская» (*Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // *БС*. 1993. 2. С. 48–49, 52), западную (раннюю) часть которого от восточной отделяет водоток, спускающийся со склонов горы Ада (114 м). Стоит, пожалуй, отметить, что во всех трех случаях раннее поселение было основано в мысовой части, *справа* от балки – водотока, если стоять лицом к морю (о возможном значении этого обстоятельства см. ниже).

¹⁶ По вопросу о том, была ли в античное время в этом районе нижняя терраса, или же берег и тогда был высок и обрывист, – сказать что-то определенное сложно. Исследованиями этой проблемы в последние годы занят А.Н. Шамрай (см. *Сударев Н.И., Шамрай А.Н.* Подводные археологические разведки у поселения «Береговой 4» на Таманском полуострове // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 2003. С. 31–32). Во всяком случае, до последнего времени не удавалось выявить участки затопленного (не перемытого) культурного слоя или хотя бы неокатанной керамики (за пределами зоны размыва разрушаемого сейчас берега), многочисленные примеры чего мы имеем на акватории Фанагории и Патрея. Впрочем, в 2004 г. на глубине 2.7–2.8 м вроде бы удалось обнаружить «слой подсыпки» (вымостки?) с неокатанной керамикой конца VI–V в. до н.э.; как и другие «архитектурные объекты» (правда, неясного характера), – за пределами 200-метровой полосы разрушенного культурного слоя верхней террасы; по мнению авторов исследования, прибрежная терраса представляла собой два отдельных рифовых пояса (см. *Сударев Н.И., Шамрай А.Н.* Результаты археологических разведок под водой у пос. «Береговой-4» на Таманском полуострове (2002–2004 гг.) // *Материалы VI Боспорских чтений*. Керчь, 2005. С. 284–294, особ. 287. Рис. 6, 10, 11).

¹⁷ См. *Сударев, Шамрай*. Результаты археологических разведок.... С. 288. Рис. 1 (со ссылкой на данные Е.Ф. Шнюкова). Я, правда, не берусь судить о том, могло ли данное обстоятельство как-либо влиять на выбор места для святилища или на чувства адептов. Но то, что этот фактор существенно влияет на геоморфологию местности, – бесспорно.

Касаясь проблем палеогеографии, следует затронуть и то обстоятельство, что в античную эпоху, в целом (во всяком случае в V–I вв. до н.э.) более прохладную¹⁸, климат мог быть существенно более влажным, нежели сейчас, и водосбор со склонов Куку-Обы, возможно, поросших древовидными кустарниками¹⁹, мог быть обильнее.

В наши дни летом русла водотоков в основной своей части совершенно сухие, а южный напоминает пустынные «вади». В нижней части водотоки образуют овраги, которые с юга и с севера огибают образованный ими узкий длинный мыс, где в наиболее возвышенной части и располагалось святилище. В новое время южный из оврагов перерезан у основания запрудой, благодаря которой образовался Орловский пруд, «подпирающий» мыс с юго-востока. Пруд этот не пересыхает: в нем не только собирается влага, стекающая в период весенних и осенне-зимних паводков, но его подпитывают и грунтовые воды²⁰.

Когда впервые появилась в этом месте запруда (соответственно и пруд) – сказать невозможно. Однако было бы полезно хотя бы примерно представить себе, как выглядел этот участок местности до того, как южный («левый») водоток был отрезан от моря²¹. Судить об этом можно только принимая в расчет морфологию южной балки, которая определяется, прежде всего, воздействием вод, стекавших беспрепятственно в море, до того как этот поток был перерезан плотиной. Необходимо сказать, что этот водоток был основным, более полноводным, чем северный: русло его значительно обширнее и глубже²²; в нижней части (как раз напротив святилища) имеется крохотное, мелкое, поросшее тростником болотце, не пересыхающее полностью даже в летний зной (видимо, его тоже подпитывают грунтовые воды). Если устранить существующую преграду, то вода заполнит нижнюю часть южной балки, образуя водоем более значительный, нежели сейчас, а избыток ее (весной-осенью) будет стекать в залив (сейчас этот сток представляет собой узкую (1–1.5 м) ложбину, вдоль которой произрастает камыш; его устье – когда-то значительной ширины – почти перекрыто поперечной перемычкой, по которой грунтовая дорога спускается к пляжу)²³. Но при этом, по всей видимости, верхний водоем (совр. Орловский пруд) не исчезнет полностью, только площадь его зеркала существенно сократится (в самом крайнем случае, в нижней части существующего котлована должны были

¹⁸ См. Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М., 1976. С. 4 с лит.

¹⁹ Ср. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 34–36.

²⁰ Выход грунтовых вод хорошо виден в береговом обрыве в районе северного раскопа. Они едва ли не главный виновник разрушительных осыпей. В водоеме обитает прудовая рыба.

²¹ Даже если первыми плотину построили греки, к моменту их прибытия в здешнюю местность запруды еще не было.

²² Южный водоток, после того как был перерезан плотиной, со временем превратился в балку (овраг в стадии «затухания») с довольно пологим и устойчивым рельефом скатов. Северный же овраг переживает повторную стадию активизации: от его устья до новой вершины (которая расположена в пределах древнего русла приблизительно на уровне половины длины мыса; перепад высот здесь достигает 0.5–0.8 м) его боковые стенки круты и обнажены в нижней части.

²³ Современный сток в море обусловлен сезонным избытком воды в южной балке благодаря незначительному водосбору с площади, располагающейся к юго-востоку от водораздела. Вода с этой площади стекает в южную балку немного южнее плотины, образуя короткий овраг, по тальвегу которого проходит грунтовая дорога.

выходить к поверхности питающие этот водоем ключи). Таким образом, – если наша реконструкция хотя бы в общих чертах соответствует реальности, – до того момента, как южный водоток был перерезан плотиной (которую, кстати говоря, он некоторое время назад периодически прорывал), здесь имелся своего рода каскад из двух небольших водоемов, избыток воды которых стекал в море.

Необходимо заметить, что водоток действовал только периодически и сезонно (в пору значительных осадков). Остальное время водоемы подпитывались лишь грунтовыми водами, которые при отсутствии существующей ныне преграды могли обеспечивать некоторый сток с море²⁴.

Осталось описать сам мыс²⁵, чтобы в общих чертах прояснить основные ландшафтные характеристики рассматриваемого памятника. Сообразно направлению и конфигурации отрезающих его от прочей территории оврагов он вытянут по оси северо-восток–юго-запад на 240 м от корневой своей части до пляжа. Ширина его по подножию колеблется от 53 м в средней части, где наблюдается заметное сужение мыса (в рельефе ему соответствует небольшое понижение, образующее растянутую широтно примерно на 25–30 м седловину) до 68 м к юго-западу от указанной «седловины» (утолщение в основном за счет «выступа» в сторону южной балки). Поверхность верхнего плато в настоящее время сравнительно плоская²⁶, спокойная в рельефе, с максимальными высотами (до 12.60 м) в средней широкой части, ближе к склону северной балки²⁷. Здесь, в самой возвышенной части мыса, располагалось место, где совершались культовые действия (его площадь ок. 450 м²).

Георадарные исследования, проведенные в 2004 г. В.В. Копейкиным и П.А. Морозовым, показали, что на наиболее узком и пониженном участке мыса, к северо-западу от святилища, в материковом грунте имеется «расщелина» шириной в верхней части ок. 16/24 м, перерезающая мыс поперек. Верхний ее край прослежен с глубины ок. 4.29 м, а нижняя точка сужающегося на конус дна – на отметке около 7 м от современной поверхности. Грунт заполнения рас-

²⁴ Ср. *Paus*. I. 38. 1: «Так называемые Рэты (Соленые озера) похожи на реки только тем, что они текут, так как вода у них столь же соленая, как в море. Иной мог бы поверить, что они текут из халкидского Эврипа под землю и впадают в нижележащее море. Говорят, что Рэты посвящены Коре и Деметре и что рыбу ловить в них можно только жрецам»; I. 38. 5: «Около Элевсина протекает Кефис, его течение здесь гораздо сильнее, чем выше; около него (одно местечко) называют Эринейон и рассказывают, что когда Плутон похитил Кору, он спустился под землю именно в этом месте...» (здесь и далее в переводе С.П. Кондратьева).

²⁵ Может быть, термин «мыс» не очень удачен. Под мысом обычно понимают выдающуюся в акваторию часть суши. В данном же случае это участок суши, отрезанный двумя глубокими балками, обводненными лишь время от времени, и располагающийся в глубине материка, близ морского побережья (в древности, как уже говорилось, возможно, в глубине маленького залива).

²⁶ На аэрофотоснимках 1958 г. хорошо видно, что еще в недалеком прошлом рельеф мыса был значительно более выраженный: центральная его часть, на котором был исследован раскопками культовый комплекс, отрезана с запада и востока сравнительно глубокими поперечными ложбинами; отчетливо различается невысокий холмик культурного слоя в центральной части мыса, ближе к северной балке.

²⁷ Приморская часть мыса представляет собой памятник земляной фортификации времен Великой Отечественной войны: полукруглые хода сообщений с индивидуальными огневыми позициями на склоне в сторону акватории замыкается с тыльной стороны прямым отрезком траншеи. Внутри этого контура в верхней точке располагался шурф (5 × 5 м) 1987 г. – «раскоп III». Второй шурф такого же размера – «раскоп II» (1987 г.) в 31 м к северо-востоку от него.

щелины однороден (по результатам раскопок в западной части святилища можно предположить, что это очень плотная черно-серая глина, быть может, продукт вулканической деятельности горы Горелой?). К сожалению, мы не можем ничего пока сказать, когда «расщелина», отрезающая святилище от коренной части мыса, была перекрыта, т.е. была ли она доступна древним почитателям хтонических богинь. Здесь невозможно не вспомнить расщелину²⁸ на южном склоне горы Майской, которая была использована в качестве «фависсы» (т.е. *ботроса*), в которую из святилища сбрасывали пришедший в негодность инвентарь и вотивы, где были обнаружены в большом числе (около тысячи) обломки культовых терракотовых изображений богинь²⁹.

Я не думаю, что необходимо особенно акцентировать внимание на том, что мысы или косы часто отводились для почитания богов. Сама обособленность этих природных объектов от прочей местности была предпосылкой тому, чтобы их использовать в культовых целях. Примеров тому только в Северном Причерноморье достаточно много³⁰. А вот местоположению святилищ Деметры стоит уделить некоторое внимание. Геродот (IV. 53. 6) сообщает о святилище Деметры на Гипполаевом (совр. Станиславском) мысе³¹. Этот пример интересен для нас не только по родству культа, но и тем что «клиновидная полоска земли» располагается *между двумя реками* – Борисфеном и Гипанисом (об этой особенности местоположения нашего святилища см. ниже). Дион Хрисостом (Orat. XXXVI) уподобляет мыс, на котором находилось святилище, носу корабля.

Пригородное святилище хтонических божеств Ольвии, исследованное Ю.И. Козуб³², «располагалось на высоком мысу западного склона Заячьей балки. Отсюда открывался вид на город и лиман»³³. По мнению исследовательницы

²⁸ Это естественное углубление длиной 12 м имело в верхней части ширину 3 м, внизу, сужаясь, доходило до 0.4 м, глубина достигала 2.2 м. «Очертания его выявлены путем зачистки выступов материкового грунта, представляющего собой вулканическую брекчию» (Марченко. Новые данные... С. 122).

²⁹ Она же. К вопросу о культах... С. 104; она же. Некоторые итоги... С. 86. Ср. *Paus.* II. 35. 7: «Позади храма [Деметры] Хтонии есть места, одно из которых жители Гермियोны называют местом Климена, другое – Плутона, а третье из них – озером Ахерусией. Все они окружены оградами из камня, а на месте Климена есть глубокий провал; по сказаниям гермионцев через этот провал Геркулес вывел на землю пса из Аида».

³⁰ Например, см. *Strabo.* VIII. 4. 2 – святилище Партенос на одноименном мысе в Таврике; *Апол.* PPE. 84, 54; *Ptol. Geogr.* III. 5. 2 – священная роща Гекаты на Кинбурнской косе; IOSPE II. 327 – святилище «Ахиллов Бег» на Тендровской косе (см. *Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 119–120) и др.

³¹ См. *Русяева А.С.* Святилище Деметры на мысу Гипполая // *Боспорские исследования.* 2004. V. С. 109 сл.

³² Исследовательница этого сакрального комплекса не нашла возможным конкретно атрибутировать божества, чей культ в нем отправлялся, справедливо полагая, что здесь мы имеем дело с почитанием подземных богов или богинь. Я посчитал нужным включить этот памятник в круг рассматриваемых не только потому, что Ю.И. Козуб сама в ряде случаев ссылается на аналогии из раннего Нимфейского святилища Деметры, но еще и в силу того, что некоторые черты обряда, засвидетельствованные в ольвийском комплексе, повторяются на нашем святилище (в частности, перевернутое вверх дном блюдо, наличие морских галек и вырезанных из керамических обломков и днищ кружков; разделение жертвенника у южной стены западного помещения «на две неравные части»; яма, заполненная золой; фрагмент терракоты – головка богини). Помимо прочего важным моментом является синхронность Ольвийского сакрального памятника первому периоду таманского святилища (конец VI – первая половина V в. до н.э.).

³³ *Козуб Ю.И.* Древнейший культовый комплекс Ольвии // *Художественная культура и археология античного мира.* М., 1976. С. 124 слл.

цы, это место «вполне соответствует греческому обычаю выбирать наиболее высокие и живописные места для святилищ и храмов». Она ссылается на Ксенофонта (Метог. III. 8. 10), который считал, что «для храмов и святилищ самое подходящее место то, которое видно отовсюду, но где мало ходят» (пер. С.И. Соболевского). Усматривает Ю.И. Козуб соответствие также местоположению святилища Деметры в Элевсине (храм, по указанию самой богини, должен располагаться «...под городом здесь, под высокой стеною, / Чтобы стоял на холме, выдающимся над Каллихором» (Hom. hymn. V. 270–273; пер. В.В. Вересаева)³⁴. Важно еще подчеркнуть, что святилище, открытое раскопками на западном склоне Заячьей балки, в развилке 1-й западной и 1-й юго-западной дорог, возникло здесь ранее (хотя и не намного) конца VI в. до н.э., когда здесь формируется жилой район – «пригород».

Святилище Деметры в Нимфее тоже располагалось на мысе – Кара-Бурун, «на выдающемся в море выступе черных скал», у глубокой расщелины³⁵. Впрочем, положение этого культового памятника на мысе в настоящее время, без учета изменений береговой линии, не столь уж ярко выражено. Однако, принимая во внимание, что в древности Чурубашское озеро представляло собой узкий морской залив, глубоко врезавшийся в материк, с полным основанием можно говорить, что Нимфеей в целом и его святилище Деметры располагались на мысе³⁶. Большое значение имело и наличие здесь, на нижней приморской террасе городища, примечательных скальных выходов с гротами, в одном из которых имелся источник пресной воды³⁷. Пригородное святилище Деметры и Коры около Горгииппии располагалось на удалении от моря, «на чистом месте, вдали от человеческого жилья»³⁸. «Сельское» святилище Деметры и Коры III в. до н.э. – III в. н.э. в юго-восточной части побережья так называемой Генеральской бухты располагалось в 250–350 м от моря, над городищем Генеральское Восточное, на плато скалистого холма (высота 56.4 м), у северо-западного его обрывистого края (поздний «западный комплекс» – на небольшом мысе, образованном обрывистыми склонами в сторону бухты). Исследователь этого комплекса относит его к типу «святилищ на вершинах»³⁹. О местоположении пригородного (у Фанагории) святилища на Майской горе говорилось выше. Наконец уместно вспомнить и сведения Геродота (IX. 97, 101) о существовании святилища Элевсинской Деметры на мысе Микале, тем более что учреждение культа Деметры на Боспоре восходит, по-видимому, еще к эпохе, отстоящей от сколько-нибудь заметного влияния в этом регионе Афин.

³⁴ Там же. С. 129.

³⁵ Худяк М.М. Работы Нимфейской экспедиции 1939 года // Труды Отдела античного мира ГЭ. Л., 1945. С. 164; *он же*. Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 36, 42–43. Табл. 30.

³⁶ См. *он же*. Из истории Нимфея. Табл. 1, 1 (вид с севера).

³⁷ Там же. С. 42.

³⁸ Цветаева Г.А. Новые данные об античном святилище в Горгииппии // ВДИ. 1968. № 1. С. 148; Алексеева Е.М. Античный город Горгииппия. М., 1997. С. 227–228. Сказать что-либо конкретное о топографии этого культового комплекса не представляется возможным, так как он перекрыт современным городом, а кроме того, было раскопано всего 3 м² площади святилища.

³⁹ Масленников. Сельский теменос (?)... С. 150 сл. Рис. 1; *он же*. Малые и малоисследованные города античного Боспора. Учеб. пособие. Тула, 2004. С. 15.

Такова в общих чертах топография святилища. Однако прежде чем мы попытаемся взглянуть на окружающий его ландшафт глазами почитателей Деметры и Коры, необходимо осмотреть окрестности в другом масштабе, что важно не только для читателя, которому не довелось побывать в этой местности, но и для того, чтобы соотнести локальные особенности той природной среды, в которой возник и развивался культ элевсинских богинь, со всем окружающим пейзажем, который нельзя не учитывать.

Для этой цели удобнее всего подняться на вершину горы Горелой, которая сама в ландшафтном отношении чрезвычайно примечательна. Правильной конической формы, напоминающей огромный курган⁴⁰, она располагается на юго-западном выступе Фонталовского п-ва, ограниченном с юга Таманским заливом, с севера – Динским, а западной частью обращенном в сторону Керченского пролива⁴¹, и, возвышаясь над низким и плоским в этой части берегом, видна отовсюду. Нет сомнений в том, что в древних лоциях (как и в современных)⁴² этот природный объект был одним из важнейших навигационных ориентиров. Как я пытался доказать⁴³, именно сама гора (рядом с которой располагалась «деревня Патрей») названа Страбоном (XI. 2. 7), описывающим путь из Меотиды в Киммерийский Боспор и Понт, «памятником Сатира».

Сейчас трудно сказать, было ли когда-то на этой горе рукотворное сооружение, посвященное боспорскому правителю, носившему имя Сатир (после катастрофического извержения вулкана в 1794 г. – если таковое и было – найти его остатки нереально, если только не счастливая случайность) или же это название обусловлено фольклорной связью предания о деяниях Сатира I с «кургановидностью» горы. Но то, что гора-вулкан⁴⁴ привлекала внимание древних и могла быть объектом их религиозных чувств, практически несомненно. С ее вершины в ясную погоду видны почти все пункты, примыкающие к акватории Киммерийского Боспора: на европейской стороне от мыса Хрони на севере и до мыса Такиль на юге, на азиатской – от входа в пролив из Меотиды (современного Ахиллеонского мыса) и до выхода из него в Понт (мыс Тузла), включая местности на побережье Таманского залива (а кроме того, и некоторые возвышенные точки в глубине полуострова). Обзор с самого святилища, конечно, более узкий, в основном за счет того, что с востока круговую панораму закрывает сопка. Северо-западная⁴⁵ и юго-западная перспективы аналогичны. Чувства человека, стоящего на этой узкой изолированной и как бы устремленной в даль полоске зем-

⁴⁰ Об этом подробнее см. *Завойкин А.А. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo. XI. 2. 7) // ДБ. 2000. Т. 3. С. 50–51.*

⁴¹ Строго говоря, по современной географической номенклатуре, Динский залив (затопленная низменная долина) является частью акватории залива Таманского; на западе он ограничен косой Чушка (Северная), которая и определяет пределы его и пролива. Не касаясь сейчас вопроса о том, что собой представляла в античный период Северная коса (о которой нет ни одного упоминания в древней письменной традиции), я преднамеренно отхожу в своем описании от несколько формальных, «плоскостных» географических дефиниций, поскольку в данном случае они противоречат визуальному представлению.

⁴² Например, см. карту Керченского пролива 1955 г.

⁴³ *Завойкин. Памятник Сатира I...*

⁴⁴ Сейчас жерло спящего вулкана представляет собой довольно глубокую воронку, заполненную водой, густо поросшую влаголюбивой травой, напоминающей осоку.

⁴⁵ Северная точка обзора – мыс Фонарь.

ли, когда он смотрит на море, сродни тем, что возникают у стоящего на носу корабля, рассекающего волны.

В конце лета и ранней осенью на акватории собираются большие стаи диких уток и другие водоплавающие – цапли, гуси, лебеди...

Это маленькое лирическое отступление, как мне кажется, необходимо, чтобы составить представление об эмоциональном настрое, который мог возникать у человека, посетившего святилище. Но этот настрой был только фоном по отношению к тем переживаниям, которые были навеяны религиозными чувствами, связанными с культом Великих богинь.

Итак, мы переходим к рассмотрению того, каким образом природная среда этого микрорайона ассоциировалась (могла ассоциироваться) с религиозными представлениями, обусловленными учрежденным здесь культом Деметры и Коры.

Первое. Самое непосредственное отношение к культу хтонических (катахтонических) богинь имела близость грязевого вулкана, у подножия которого расположено святилище. Его жерло – это вход в преисподнюю. Нам не известно, проявляла ли эта сопка сейсмическую активность в тот период, когда здесь расселились и обитали эллины. Но исходя из упоминавшихся ранее античных свидетельств о землетрясениях и практического опыта древних, можно быть почти уверенным в том, что здешние греки имели вполне реальное представление о том, с каким природным объектом они соседствуют⁴⁶. И можно себе только вообразить, какое впечатление на древних могло произвести извержение вулкана,

⁴⁶ А.И. Иванчик (О происхождении «киммерийской» топонимии Боспора // V Международный конгресс по фракологии (Античная балканистика 6). Тез. докл. М., 1988. С. 14–15) высказывал мысль о взаимосвязи «расселения» мифологических киммерийцев, обитавших где-то на границах мира живых и умерших, с областями повышенного вулканизма (входом в подземное царство), в частности в Восточном Крыму или на Таманском полуострове (область «Киммерия» Геродота – IV. 12 (Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 169–173. Комм. 7). В связи с нашей темой важно учесть высокую вероятность того, что Керченско-Таманский район грязевых вулканов (см. Шнюков Е.Ф., Соболевский Ю.В., Гнатенко Г.И., Науменко П.И., Кутний В.А. Грязевые вулканы Керченско-Таманской области. Атлас. Киев, 1986), расположенный на границе ойкумены, «на пороге царства Аида» (Тохтасьев С.Р. Источниковедческие проблемы истории киммерийцев: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 2), раньше населенный (в представлении предшественников колонизации и поздних комментаторов Гомера) киммерийцами, которые не видят солнечного света (Od. XI. 14), должен был восприниматься переселившимися на Киммерийский Боспор греками почти как преддверие потустороннего мира, где дыхание подземных богов ощущается физически.

Замечательную параллель являют собой природные условия в области Авернского озера в Кампании, где, как и на Боспоре, традиция, следующая *Нот.* Od. XI. 14, размещала киммерийцев «в районе Кум, на *Campi Phlegraei*, на каждом шагу встречались недвусмысленные указания на близость царства Аида. Где-то близко к поверхности земли бурлит огненный Флегон, рядом течет Стикс. Они дают о себе знать бьющими из-под земли источниками соответствующих качеств. Ахерон же выходит наружу целым озером. Смердные серные источники, которыми так полна округа, свидетельствуют о заточенных под землю богами титанах, вытекающий из их ран ихор и есть эта непригодная ни на что вода. А рядом – мрачный Аверн, страшный своей глубиной и испускающий ядовитые пары, над его черными водами не пролететь ни одной птице» (Тохтасьев. Ук. соч. С. 15). Связь представлений о киммерийцах с представлениями о входе в аид, обусловленными особенностями локальной топографии, подтверждается и рядом других примеров, например, в Геракле Понтийской (см. Иванчик А.И. Накануне колонизации. *Pontus Septentrionalis* III. Москва–Берлин, 2005. С. 129, 133).

если оно хотя бы отдаленно напоминало описанное П.С. Палласом⁴⁷: колоссальный столб огня, дыма и пепла, потоки изверженной из недр брекчии...

Говоря об огне, наверное, следует упомянуть довольно своеобразные объекты в северо-западном углу святилища (они локализируются только здесь на небольшой площади)⁴⁸. Это небольшие и неглубокие (до 0,5 м) ямки, в которых сжигалось дерево (ветки, кустарник?) в большом количестве (они в основном доверху забиты углями и золой). Сила огня в ряде случаев была такова, что желто-коричневый суглинок стенок и дна прокалился до красно-коричневого оттенка; следы воздействия жара прослежены и на прилегающей поверхности рядом с ямами, а в одном случае – расположенный поблизости камень покраснел и растрескался. Эти огненные эшары, игравшие какую-то роль в ритуальном действии, представляют собой, как кажется, некоторого рода параллель подземному вулканическому («адскому») огню.

Стоит напомнить, что к Персефоне относились как богине огня; к ней взывали наряду с богом огня Гермесом (Eurip. Phaeton. 3. 77, l. 59–60 [Arnim]). В ходе Великих Элевсинских мистерий перед ключевым моментом священного ритуала, когда по велению иерофанта открывался вход в анакторон, ярко вспыхивало пламя. Христианский автор (Ps.-Ippolit. Refutation omnium haerestium. V. 8. 40) сообщает, что иерофант руководил ночной церемонией «под большим огнем»⁴⁹.

Второе. Непосредственно со склонов вулкана время от времени стекали потоки воды, устремляясь к морю, и, едва не достигнув его, образовывали глубокие овраги, огибавшие с двух сторон узкую полосу земли, и лишь затем достигали своей цели. Цену и значение пресной воды в этой засушливой местности для плодородия комментировать не надо. И если благодатная влага спускалась к

В отношении совр. Таманского п-ва, по представлениям античных авторов, острова (или архипелага островов; *Ps.-Scymn.* Per. 890–895; *Strabo.* XI. 2. 4, 9–11; *Mela.* De Chor. l. 112–113; *Ps.-Arr.* PPE. 73–74), ограниченного водами Понта, Меотиды, Боспора и рукавами Гипаниса, о бифуркации которого известно было автору I в. до н.э. Александру Полигистору (*St. Byz.* s.v. Ὑκωνίς; Александр Полигистор говорит, что Гипанис, разделяясь на два рукава, одну часть изливает в Меотийское озеро, а другую в Понт), – высказывалась весьма смелая мысль об отождествлении его (или одного из островов) с островом Кирке – Айае (*Machinsky D.A., Mousbakhova V.T.* The Land of Aea, the Island Aeaëa and the Entrance to the Hades in Early Argonautics and Odyssey in the Light of Evidences on Pontic Region Preserved by the Ancient Tradition // БФ. 2001. Вып. 3. Ч. 1. С. 4–5). Впрочем, сколько-нибудь весомых аргументов в пользу того, что именно здесь «Хозяйка Забвения» потчевала спутников Одиссея киклоу'ом и превращала их в свиней (*Hom.* Od. X. 233–240), авторами гипотезы приведено не было. По их мнению, киммерийская топонимика на Боспоре подтверждает их предположение, указывая на близость Аида (якобы в области схождения Днепра и Южного Буга, у Гипполаева мыса, где располагалось святилище Деметры – *Herod.* IV. 53). Следует, однако, напомнить, что в «классическое царство Аида» (см. *Антипенко А.Л.* «Мифология богини» по данным «Одиссеи» Гомера. М., 2002. С. 72 сл.), на пороге которого и обитают киммерийцы, Одиссей со спутниками отправляются как раз с острова Кирке. Здесь, по всей видимости, компилятор объединяет две разные мифологемы.

⁴⁷ Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1883. XIII. С. 80–83.

⁴⁸ Мы не будем здесь касаться многочисленных находок светильников, главным образом – фрагментов многорожковых многоярусных, единичных однорожковых (только они имеют на рожке следы горения, в отличие от многих десятков, или нескольких сотен, рожков многоярусных, ни один из которых не имеет нагара, а нередко даже сквозного отверстия) (см. *Журавлев, Завойкин.* Ук. соч. С. 191–199).

⁴⁹ См. *Кереньи К.* Элевсин: архетипический образ матери и дочери. М., 2000. С. 111, 119. Прим. 88.

людям со склонов горы, где обитали подземные боги, весьма вероятно, в этом даре могли усматривать сокровенный смысл.

Тема воды как плодотворной стихии играла в культе очень важную роль, и это подтверждается тем, что один из самых распространенных типов вотивных сосудов здесь представлен гидриском во всевозможных вариациях: это простой керамический сосудик с тремя ручками и парные серебряные подвески в виде крохотных гидрий, и спаренные гидриски (меньший прилеплен на плечо большего, символизируя Мать и Дочь), и более сложные комбинации из того же типа сосудиков (на ручке и плече большего гидриска в ряд...), и на кольцевом керносе⁵⁰. Этот тип сосудов вообще характерен для святилищ Деметры и Коры (например, в святилище Деметры в Нимфее⁵¹, в святилище Деметры и Коры в Коринфе⁵²). Связана эта его популярность может быть как с культовой ролью воды⁵³, так и с переосмыслением (в контексте элевсинской мифологии) того, что этот тип сосуда имел три ручки⁵⁴.

В последний день Великих мистерий производилось так называемые «возлияние достатка»: из круглых чаш в *расщелину* (*χθώνιοι χάσμα*)⁵⁵ с западной и восточной сторон совершалось возлияние воды (Athen. 469b), при этом произносилось магическое заклинание – предположительно – «Лейся! Зачинай!» (Ps.-Hippolit. Refutatio... V. 7. 34; cf. Procl. In Timaeum. 293c)⁵⁶.

Примечательно, что жертвоприношение свежей воды в погребении, призванное утолить жажду души в загробном мире, связывается с водой Мнемосины⁵⁷, которую должна была пить душа покойного для достижения бессмертия. С этой традицией связывают и широко известные граффити с призывом: *λεῖνε, εὐφραίνου* – «Пей, радуйся!» (в частности, из Афин, Том, Херсонеса, Ольвии, Тире)⁵⁸.

Вполне возможно, что само расположение святилища между двумя водотоками (хотя бы и наполняемыми влагой только время от времени), вполне могло быть осмыслено сообразно бытующим мифологическим взглядам. Характерные детали загробной топографии, связанной с этой приметой, находим в вазо-

⁵⁰ См. *Завойкин*. ΘΕ: двойственность и троичность... Рис. I, 1, 6; II, 7, 11; III, 4; IV, 1.

⁵¹ *Худяк*. Работы Нимфейской экспедиции 1939 года. С. 162. Табл. XXI, 1, 2; XXII, 1.

⁵² *Pemberton E.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek Pottery // *Corinth*. Vol. XVIII. Pt. I. Princeton–New Jersey, 1989. P. 10–11. Fig. 1.

⁵³ См. *Paus.* I. 38. 6: «У элевсинцев... есть и водоем, называемый Каллихорон, где элевсинские женщины учредили первый хоровод и стали петь гимны в честь богини».

⁵⁴ См. *Завойкин*. ΘΕ: двойственность и троичность... С. 110. Примечательно, что терракотовые изображения гидрофор – в числе распространенных типов в святилищах Деметры (например, *Худяк*. Работы Нимфейской экспедиции 1939 года. С. 161. Табл. XVI, 3; *Wiegand Th., Schrader H.* *Priene*. В., 1904. S. 159. Abb. 135). Очень выразителен сюжет с данаидами на рельефе I в. до н.э., представляющем трафаретную сцену из «жизни» загробного мира, на котором они изображены пытающимися заполнить бездонный пифос (*Hug. Fab.* 168). Как и в случае с усилиями Сизифа, катящего в гору камень (*Нот.* Od. XI. 593 sq.; ср. КБН. 146: «...Но да будет легок тебе всякий камень, если при жизни ты был так ласков со всsemi»), – бесконечный труд за преступление перед богами.

⁵⁵ Предположительно, в Плутониуме, в пещере.

⁵⁶ *Кереньи*. Ук. соч. С. 155–156.

⁵⁷ Дочь Урана и Геи (*Hes. Theog.* 135), богиня памяти. В Лебадии (Беотия), близ пещеры Трофония имелось два источника: Леты – забвения и Мнемосины – памяти (*Paus.* IX. 39. 8).

⁵⁸ См. *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев, 1983. С. 27–28; *Соломоник Э.И.* Из истории религиозной жизни северопричерноморских городов позднеантичного времени // ВДИ. 1973. № 1. С. 62–63; № 4–7. С. 70–71, 74; *Лурье С.Я.* Древнегреческие паспорта для входа в рай // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 25.

писи, отражающей отдельные мотивы загробных представлений. Так, на амфоре из Неаполя, под эдикулой, в которой восседают Аид и Персефона, изображена «развилка» подземной реки⁵⁹, а на ней – Геракл, держащий на цепи цербера, и nereида, сидящая на гиппокампе, слева от них – Гермес и Сизиф, катящий камень, справа – три Данаиды, держащие в руках гидрии; выше их изображены сидящий Триптолем и стоящие Эак и Радамант⁶⁰.

Во всяком случае такого рода аллюзия не представляется совсем уж невероятной, учитывая, что начало свое эти водные потоки берут на склонах вулкана, жерло которого – прямой путь в преисподнюю.

Говоря о стихии воды в культовом аспекте, стоит упомянуть один из сюжетов в позднеэллинистической терракоте на памятнике, которому⁶¹ посвящено специальное исследование⁶². Речь идет об изображении сидящей девушки, в ее руке гроздь винограда, которую она прячет от гуся/утки, вытянувшей шею к плодам. Опираясь на локальное беотийское предание, связанное со святилищем Деметры Европы (Paus. IX. 39. 2–3), о Персефоне и нимфе Геркине (о культовой статуе которой с гусем на руках сообщается в «Описании Эллады»), было предложено понимать сюжет терракоты как противопоставление жизни (виноград – Дионис) и смерти (утка/гусь), что и обеспечило его популярность в погребальной практике⁶³, а сам пер-

⁵⁹ По С. Рейнаку (*Reinach S. Répertoire des vases peints*. T. I–II. P., 1899. P. 167), это Коцит и Перифлегетон, которые вливаются в Ахерон – то самое место, где Одиссей по предписанию Кирки совершил в яму жертвоприношение крови черного барана и овцы для душ, обитающих в Аиде (см. *Hom. Od.* X. 513–515: «Быстро бежит там Перифлегетон в Ахероново лоно / Вместе с Коцитом, великою ветвью Стикса; утес там / Виден и обе под ним многошумно сливаются реки»). Пер. В.А. Жуковского).

⁶⁰ *Reinach*. Op. cit. P. 167. Pl. IX. Здесь, на развилке Минос, Радамант и Эак, взвешивая на весах души умерших, решают дальнейшую судьбу покойного: отправиться ему в элизии или же в эреб (*Apoll.* III. 1. 2; *Pind.* Ol. II. 75; *Plat.* Gorg. 526 c–d). «Они направляют направо тех, кто за свои заслуги удостоились чести попасть на Елисейские поля; по дороге налево они гонят злонаправленных, которые должны быть низвергнуты в Тартар» (*Видаль-Накэ II. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М., 2001. С. 99. Прим. 39; цит. *Cumont F. Lux perpetua*. P., 1949. P. 279–280). П. Видаль-Накэ далее пишет: «Систематический характер этой топографии подтверждают и тексты. Самый известный – знаменитая “орфическая” табличка из Петелии (fr. I [66] 17 Diels), в которой указывается, что нужно избегать источника, расположенного *слева* от чертогов Аида, чтобы пойти к озеру Памяти» (здесь цитируется: *Gornatowski A. Rechts und Links im antiken Aberglauben*. Breslau, 1936; cf. *Zuntz G. Persephone*. Oxf., 1971. P. 360f). Речь идет о так называемых «Золотых листах», найденных у Фарсала, и *lamella* из Петелии (*Garland R. The Greek Way of Death*. Cornell University Press. Ithaca. N.Y., 1985. P. 50, 151), в которой сказано: «Ты найдешь *справа* в доме Аида источник и стоящий около него белый кипарис. Не ходи рядом с этим источником. Затем, ты найдешь холодную воду, текущую из озера Памяти...»). Ср. *Лурье. Древнегреческие паспорта...* С. 24, 27: «Но когда душа оставит свет солнца, иди *вправо*, тщательно огради себя... *Налево* от дома Аида ты найдешь источник, около которого стоит белый кипарис. К этому источнику [т.е. Лете] не подходи близко. Далее ты найдешь холодную воду, текущую из озера Мнемосины...».

⁶¹ Наряду с сюжетом «Юный Дионис, играющий с собачкой / щенком (σκύλαξ)».

⁶² *Завойкин. Два сюжета...*

⁶³ Вариации на тему девушка / мальчик с гусем (или уткой) имеют довольно широкое распространение на погребальных стелах и в скульптуре. А.И. Вошинина (Статуэтка девочки из Ольвии // СА. 1958. XXVIII. С. 117 сл.), публикуя мраморную статуэтку девочки с птичкой, которую, мне кажется, она ошибочно атрибутирует как голубя, отмечает популярность этого сюжета в надгробной скульптуре, особенно на надгробных рельефах V–IV вв. до н.э. Исследовательница подчеркивает бытование такого рода «жанровых» изображений в эллинистический период, однако считает, что надгробные статуи представляют идеализированный образ умерших; при этом

сонаж как изображение Кору. Для нас сейчас существенно, что водоплавающие птицы связаны «со стихией нижнего мира, с темными водами Хаоса и, таким образом, со смертью, с одной стороны, и с идеей плодородия, с другой»⁶⁴.

Впрочем, ничуть не менее вероятно и иное (но в том же ключе) истолкование названного сюжета. Общеизвестна распространенная у эллинов метафора, представляющая птиц, особенно перелетных⁶⁵ и связанных с водной стихией, в качестве душ умерших. Персефона, богиня смерти и жизни, не только периодически «сама возвращается на землю, но и возвращает других, отправляя, по словам Пиндара, души умерших на девятый год назад, “к свету солнца” (Plato. Мепоп. 81bc)»⁶⁶. Таким образом, интересующая нас терракота представляет сидящую Персефону, в одной руке у которой символ жизни (возрождения) – виноград, а другой рукой она придерживает (до поры?) птицу – душу, жадно тянущуюся к плоду Диониса.

В культурных отложениях и в ряде объектов святилища (культовые площадки и *эсхары* Деметры и Персефоны) довольно часто встречаются кости птицы, утки или курицы/петуха⁶⁷(?).

Как уже говорилось, в конце лета – начале осени по сей день на акватории Таманского и Динского заливов собираются стаи диких уток и лебедей, здесь же гнездятся серые цапли, обитают бакланы (семейство Phalacrocoracidae). Вряд ли

справедливо указывая, что данный мотив «был связан с образами хтонических божеств – Деметры и Кору, в царстве которых обитали мертвые» (Воцинина. Ук. соч. С. 120). Прекрасный аттический образец IV в. до н.э. – надгробный рельеф Каллистрии (Афинский Национальный музей) представляет девушку, у которой в левой руке утка (Воцинина. Ук. соч. С. 121. Рис. 2, 4; Conze A. Die attischen Grabrelief. В., 1913. № 811. Taf. CLV).

⁶⁴ Селиванова Л.Л. Аполлоновы лебеди (К семантике образа в религиозных представлениях античности) // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 379.

⁶⁵ Они, подобно Персефоне, часть года проводят «дома», а другую часть – далеко на «севере», у вод Океана, в Аиде или, во всяком случае, рядом с ним. Важно отметить, что гнездуются водоплавающие птицы, перелетающие к югу на зимовку, как раз на севере (их родина там, где они высиживают птенцов). В этом обстоятельстве коренится решительное отличие во взглядах на них северян (нас) и южан (греков).

⁶⁶ Антипенко. Ук. соч. С. 85.

⁶⁷ Петух, чей крик разделяет ночь и день (свет и тьму), – птица подземных богов. На широко известном терракотовом рельефе, хранящемся в музее Сиракуз, он изображен под креслом супружеской пары – Аида и Персефоны; его же крохотное изображение венчает также шпиль трехногий подставки-канделябра, что стоит напротив владык подземного царства. Интересен мраморный фриз «гробницы Гарпий» (Британский музей), на восточном рельефе которого представлено подношение мальчиком жертвенного петуха бородатому богу, сидящему на троне, с ритонном (? или бутонном) в руке, а на южном – тот же бог, сидящий на троне – в левой руке у него гранат, в правой округлый предмет – яйцо (?) и принимающий от женщины курицу (см. Thraemer E. Geschichte der Griechischen Plastik. Bd I. Strasburg, 1897. S. 275, 277. Fig. 130, 132; Richter G.M.A. Ancient Furniture. A History of Greek, Etruscan and Roman Furniture. Oxf., 1926. P. 6. Fig. 1; P. 10. Fig. 17). На надгробном рельефе из Хрисафы в Лаконике (хранится в Берлинском музее) представлено изображение сидящих на троне (по спинке которого и под ним извивается змея) безбородого бога (Гермеса Хтония / Аида?; или Асклепия с Гигиэей?), держащего в правой руке канфар, и Персефоны (?), держащей в правой руке гранат; перед ними – две маленькие фигурки с приношениями: у одной в правой руке петух/курица, у другой – цветок, в левой обе держат плод граната (Thraemer. Op. cit. S. 245. Fig. 111; S. 246. Anm. 1–2) Р. Гарлан считает эту пару героизированными умершими, принимающими дары от «почитателей» (Garland. Op. cit. P. 9. Fig. 3).

пути миграций этих птиц с эпохи античности изменились радикально⁶⁸. И не исключено, что обилие водоплавающих птиц могло быть осмыслено сообразно культовому контексту.

В исследовании, посвященном святилищу Ахилла на о-ве Левка, С.Б. Охотников и А.С. Островерхов уделяют заслуженное внимание указаниям древних авторов на обилие птиц (как главной достопримечательности фауны) на острове, посвященном герою⁶⁹. Этому обстоятельству придавалось сакральное значение, о чем прямо говорится в источниках. Согласно Арриану (PPE. 32) и Филострату (XIX. 16), птицы очищают крыльями храм Ахилла; а Присциан (557–566) пишет о том, что стаи белоснежных птиц на Левке обусловили само его название; та же мысль звучит и в схолиях к Пиндару: «Белым же остров называется по множеству гнездящихся на нем птиц». Исследователи ссылаются на авторитет Э. Шредера, который «собрал сведения, касающиеся образа водоплавающей птицы в древних индоевропейских религиях. Он пришел к выводу, что в мифологии индоевропейцев наблюдается стабильное противопоставление двух образов – хищной и водоплавающей птиц. Первый образ символизировал верхний потусторонний мир, второй служил олицетворением земного... водоплавающая птица... единственная из всех живых существ обладает способностью передвигаться во всех трех стихиях: по суше, воде и под водой, а также в воздухе. С другой стороны, водоплавающая или болотная птица являлась знаком удаленности в потусторонний мир, символом человеческой души в загробном мире и вместе с тем самого загробного мира»⁷⁰.

Легко представить, какого рода эмоциональные переживания пробуждали у верующих в это «перевозложение души» огромные стаи птиц, собирающиеся к осени на окружающей святилище акватории.

* * *

Итак, проанализировав особенности природной среды, в которой в конце VI в. до н.э. было основано святилище Деметры и Коры и в которой на протяжении почти пяти веков отправлялся культ этих Великих богинь, мы попытались представить, каким образом эти особенности могли быть осмыслены адептами данного культа. Следует еще раз подчеркнуть, что такого рода соотнесения, взятые в отдельности, имеют лишь вероятностный характер (исключая связь с жерлом вулкана – одним из входов в Анд). Вместе с тем, думается, едва ли стоит сомневаться в том, что, принятые как система, эти гипотетические взаимоотношения природных объектов и стихий, с одной стороны, и религиозных взглядов, свойственных культу хтонических богинь, – с другой, в целом дают

⁶⁸ Поскольку сами условия для гнездовой водоплавающих птиц мало изменились (см. *Оптиан. О рыбах. IV. 504–513*: «...где Меотида соединяется с морем, у болотистого устья и покрытых водою зарослей камыша...»; ср. *Ps.-Scymn. Per. 890–895; Ps.-Arr. PPE. 73–74*).

⁶⁹ *Ps.-Скимн (Per. 785–796)* упоминает «речных птиц»; Аммиан Марцеллин (XXII. 8. 35) пишет о «зимородках»; в схолиях к Пиндару (*Nemisida, 79*) сообщается о «цаплях»; о «чайках, нырках и морских воронах в несметном количестве» – у Арриана (PPE. 32). Примечательно, что вороны, которых «заботят морские дела», обитают, наряду с совами и ястребами, рядом с пещерой Калипсо, в лесу кипарисов, ольхи и тополей; на лугу перед пещерой «хозяйки смерти» (*Антипенко. Ук. соч. С. 146, 149*) – фиалки и сельдерея, такие же символы смерти и траура.

⁷⁰ См. *Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеинном). Киев, 1993. С. 17–18, 83–85.*

представление о механизме сакральной адаптации древних греков на новой родине. Разумеется, в процессе исторической эволюции значимость того или иного элемента этой системы могла меняться (соответственно, происходила трансформация самого культа и совершаемых ритуалов). Однако, несомненно, неизменными оставались те из них, которые, собственно, и определяли причину почитания здесь Деметры и Кору: тесная взаимосвязь с земными недрами (через жерло вулкана на Куку-Обе, во-первых, и через расщелину (?) на самом мысе, где располагалось святилище, во-вторых). А эта связь питала надежды людей на плодородие полей, приплод скота и здоровое потомство.

THE SANCTUARY OF DEMETER AND KORA
ON THE FONTALOVSKY PENINSULA:
NATURAL ENVIRONMENT AND SACRAL TOPOGRAPHY

A. A. Zavoykin

The author explores two interconnected problems: (1) in what kind of natural environment the sanctuary of Demeter and Kora-Persephone on the north-western promontory of the Taman Peninsula sprang up in the late 6th c. BC and functioned till the mid 1st c. BC; (2) how the adepts' idea of sacral topography connected with traditional cult myth developed in the new place. To solve the problems he draws parallels from other Mediterranean and Pontic areas (and from Bosphoros itself), where Demeter's sanctuaries existed, pointing out the details of landscape and elements of environment characteristic of this type of sanctuaries.

The author comes to the conclusion that some elements were essential for the place where sanctuary was founded. They were: closeness to the volcano (Mt Gorelaya) implying connection with underground forces; isolated position on a promontory; water sources (a stream running from the crater and springs of subsoil waters). Of some importance could be the local fauna (abundance of waterfowl connected with the underworld).